

Среди крестьян пронесся испуганный ропот — кто-то шумно втянул воздух, кто-то глухо охнул, но все как один попятнулись.

Чжао Сюэхань сдержанно сжал губы и обернулся к немому. Тот уже отступил на пару шагов назад и теперь, низко опустив голову, глядел на него с нескрываемым благоговением.

Вновь повернувшись к толпе, Чжао Сюэхань устремил взор вперед, однако краем глаза подмечал малейшую перемену в лицах крестьян.

Впервые с тех пор, как он очутился в этом мире, Чжао Сюэхань по-настоящему ощутил, какая сила кроется в титуле Демонического владыки. В глубине души шевельнулось странное, щемящее чувство.

Когда в городке он смотрел уличные представления, тамошний Демонический владыка представал жалким, вороватым шутом. Из-за этого Чжао Сюэханю казалось, будто грозный правитель подземных воинств не пользуется у смертных особым почтением.

Но действительность оказалась иной: страх перед ним въелся им под самую кожу.

Никто и помыслить не мог, что перед ними — сам Демонический владыка. Истинный человек Лу, хоть и разбрасывался вежливыми фразами, ни в грош его не ставил и уже несколько раз пытался прикончить какими-то топорными методами.

Теперь же, глядя на трясущегося Лу-чжэньжэня, Чжао Сюэхань упивался триумфом — до чего же сладостно было явить когти после долгого притворства!

В памяти всплыл обрывок из прошлой, давно канувшей в небытие жизни. Он вспомнил какой-то старый сериал, где император обожал разгуливать среди простолюдинов под чужим именем. Мелкие чинуши то и дело пытались притеснить знатного гостя, но стоило их спеси достичь предела, как правитель раскрывал себя, заставляя негодяев пресмыкаться в пыли.

Сейчас Чжао Сюэхань чувствовал себя в точности как тот венценосный любитель театральных эффектов.

Напустив на себя как можно более величественный вид, он смерил взглядом съежившегося заклинателя.

— Лу-чжэньжэнь, — небрежно бросил он. — Неужели ты решил, что раз в городке не осталось других заклинателей, твои фокусы никто не раскусит?

Истинный человек Лу вздрогнул, но промолчал.

— Наш немой художник действительно балуется темными искусствами, — продолжил Чжао Сюэхань. — И в его картинах действительно скрыты печати. Вот только чары эти — сущие пустяки. Они лишь тянут из владельцев крохи жизненных сил, чтобы помочь нашему живописцу в совершенствовании. Самое большее, что грозит покупателю такой картины — легкая вялость на день-другой. Убить этим невозможно при всем желании.

Он коротко усмехнулся:

— Но благообразный Лу-чжэньжэнь оказался куда пронырливее. Стоило ему заприметить эти каракули, как в его светлой голове созрел гнусный план. А козлом отпущения было решено сделать несчастного художника.

— Я... — Лу-чжэньжэнь выдавил из себя жалкий звук. Страх сковал его, но в глазах еще читалась безумная надежда выкрутиться.

Впрочем, Чжао Сюэхань не собирался давать ему и секунды на оправдания.

— И что же ты скажешь? — оборвал он его холодным хмыком. — Ты, почетный адепт праведного ордена, столкнувшись с преградой в самосовершенствовании, вместо усердных тренировок пустился во все тяжкие: принялся истреблять невинных смертных и плавить их души ради гнусных пилюль! Вместе со своими прихвостнями вы подражали манере немого художника, выслеживали его покупателей и забирали их жизни. Мало того — вы глумились над покойниками, поднимая их из могил, а затем разыгрывали перед доверчивым человеком комедию с «изгнанием нечисти», зарабатывая дешевый почет и преданность.

— И эта бедняжка, — Чжао Сюэхань указал на растерзанное тело позади себя, — пала от твоих рук лишь потому, что ты испугался бегства художника. Боялся, что твои злодеяния всплывут наружу, а вину свалить будет не на кого! Ты лишил ее жизни, чтобы выманить живописца обратно в деревню и окончательно очернить его имя в глазах соседей, выставив бездушным чудовищем.

— Какая изящная игра, Лу-чжэньжэнь! Достойно восхищения, не правда ли?

Лоб заклинателя покрылся крупными каплями пота, колени ходили ходуном.

— Всё это... пустые обвинения! — собрав остатки воли, выкрикнул он. — Смерть Ван У случилась у всех на виду! Он упал замертво сам! Я еще не сформировал золотое ядро, я не мастер талисманов! У меня бы не хватило сил оборвать жизнь на таком расстоянии!

— Неужели? — Чжао Сюэхань снисходительно усмехнулся и повернулся к толпе крестьян: — Люди добрые, у кого-нибудь из вас остался амулет защиты, что раздавал этот святоша? Одолжите на минутку.

Один из мужиков торопливо сорвал с шеи шнурок и бросил вещицу Чжао Сюэханю.

Тот поймал оберег на лету — гладкую, тускло поблескивающую латунную пластинку. Покрутив ее между пальцами, он наклонился к нему и тихо спросил:

— В кувшине для сбора душ еще что-то осталось?

Немой уставился на него. Глаза художника все еще были красными от слез и ярости из-за оскверненного тела девы. Он судорожно прикусил губу, пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами. Возле его виска соткалась и тут же растаяла призрачная светящаяся строчка:

* «Еще пять душ».*

Чжао Сюэхань кивнул и вновь обратился к толпе:

— Сейчас в этом кувшине томятся пять душ. Кто-нибудь из вас способен их разглядеть?

Несколько человек неуверенно подняли руки.

— Раз так, смотрите внимательнее, — прищурился Чжао Сюэхань и небрежным жестом бросил латунную бляшку прямо в горлышко сосуда.

Лу-чжэньжэнь изменился в лице и дернулся вперед, сиюсь перехватить кувшин, но Чжао Сюэхань оказался быстрее — он ловко подхватил сосуд и поднял над головой.

— Куда же ты так торопишься, почтенный? — хмыкнул он. — Наберись терпения.

Заклинатель сжал кулаки так, что побелели костяшки, а на его скулах заходили желваки. Игнорируя его бешеный взгляд, Чжао Сюэхань спокойно поставил кувшин рядом. Прошло не больше времени, чем требуется, чтобы выпить чашку чая. Наконец, разыграв на лице крайнее удивление — точно лишь сейчас вспомнив о брошенной безделушке, — он лениво выудил амулет обратно.

Латунь заметно потемнела, утратив прежний блеск, будто ее долго терли наждаком. Чжао Сюэхань наклонил сосуд горлышком к толпе.

— Ну? Сколько душ там осталось? — поинтересовался он.

— Ч-четыре... — пролепетал один из крестьян, заглянув внутрь. На лице его отразился запоздалый ужас. Вдруг он истошно завопил, сорвал собственный оберег и с силой швырнул его в дорожную грязь.

— Именно так, — с довольной улыбкой подтвердил Чжао Сюэхань, покачивая латунной пластинкой. — С помощью этих безделушек наш праведник и воровал ваши жизни. Из кувшина, где души лишены защиты плоти, они высасываются мгновенно. Из живого же тела этот скрытый узор тянет дух постепенно, капля за каплей.

Он швырнул латунку под ноги заклинателю.

— Лу-чжэньжэнь и его пособники запугали вас байками о бесчинствах демонов и щедро раздали «защиту». А когда их амулеты высасывали из вас души и тускнели, они разводили руками и уверяли, что оберег просто исчерпал свою силу, защищая вас от темной магии.

— Стоило очередному бедолаге испустить дух, как эти стервятники первыми оказывались у тела. Если никто не видел, они просто забирали потемневший амулет и ввали, будто покойный сам виноват — не носил оберег, вот и пал жертвой злых сил. А если спрятать вещицу не удавалось, в один голос твердили, что защитные чары истощились и не смогли сдержать удар. Ну что, я в чем-то ошибся, господин заклинатель?

Чжао Сюэхань одарил его издевательской улыбкой. Лицо Лу-чжэньжэня сделалось мертвенно-серым, он не проронил ни слова. Вокруг поднялся гул — бледные от ужаса крестьяне один за другим лихорадочно срывали с шеи шнурки и топтали латунные бляшки в пыли.

И вдруг прямо в воздухе, у самой головы заклинателя, соткалась тонкая цепочка светящихся знаков. Чжао Сюэхань мимоходом скользнул по ней взглядом и обомлел — среди слов отчетливо читалось имя, заставившее его сердце пропустить удар. Веселье с его лица мгновенно испарилось.

— Ты — мелкая сошка из праведного ордена, — ледяным тоном произнес он, не отводя взгляда от парящих в воздухе призрачных знаков. — Твоих куцых силенок никогда бы не хватило на столь изощренное колдовство, да и путей к запретным знаниям у тебя не было. Тебе помогли составить эти печати. Кто этот человек? Как ты на него вышел?

Он сделал шаг вперед, и голос его зазвучал подобно раскату грома:

— И с какой стати он решил тебе помогать?!

Заклинатель упорно молчал, бледный как полотно. Сжав губы в ниточку, он исподлобья буравил Чжао Сюэханя яростным взором. И вдруг, улучив миг, резко вскинул руку. Вокруг его пальцев с безумным свистом закружился яростный вихрь — сорвавшись с ладони, поток сжатого воздуха вместе с поднимающейся пылью и сором устремился прямо в грудь Чжао Сюэханю.

Ледяной порыв ударил в лицо. У Чжао Сюэханя подкосились ноги; повинуясь слепому инстинкту, он отпрянул назад и зажмурился.

За мгновение до того, как сомкнуть веки, он успел заметить, как среди толпы синей молнией мелькнул чей-то силуэт.

«Ну вот и всё, отбегался, — тоскливо подумал он, мысленно прощаясь с жизнью. — Зато перед смертью знатно покрасовался в роли могущественного Демонического владыки. Будет о чем вспомнить на том свете».

Время шло, но смертоносный удар так и не настиг его. Чжао Сюэхань осторожно приоткрыл один глаз и обомлел. Лу-чжэньжэнь замер прямо перед ним в нелепой, вытянутой струной позе — закинув голову назад и окостенев от невыразимого ужаса.

Приглядевшись, Чжао Сюэхань заметил на горле заклинателя тончайший, едва различимый красный порез. Капля крови скользнула по шее и повисла в воздухе, словно наткнувшись на невидимую преграду — острую, как бритва, леску.

Картина была до боли знакомой. Чжао Сюэхань поднял голову и выдохнул от облегчения: позади испуганных крестьян высилась статная фигура. Незнакомец был на целую голову выше любого в толпе, а его льдисто-голубые глаза ловили блики факелов, полыхая холодным потусторонним светом.

Бешено колотящееся сердце Чжао Сюэханя мигом успокоилось. Пожалуй, впервые в жизни он был искренне, до глубины души рад видеть Янь Кэ.

Он снова мысленно вернулся к той дурацкой аналогии с сериалом. Да, он разыграл перед всеми великого правителя, но стоило разоблаченному злодею ринуться в контратаку, как безоружный «император» едва не сел в лужу.

И тут явился Янь Кэ — верный главнокомандующий, который не просто подоспел в самый отчаянный миг, но и привел с собой личную гвардию, вернув своему владыке и трон, и величие.

Вот только вид у этого «главнокомандующего» был свирепый. Грозно нахмурившись, он вперил в Чжао Сюэханя ледяной, полный немого укора взор.

Едва улегшийся страх накатил с новой силой. Чжао Сюэхань боязливо сглотнул и с виноватым видом уставился на грозного спасителя.

Янь Кэ со значением свел брови к переносице и одними губами беззвучно приказал:

— Уходим.

Чжао Сюэхань дважды повторять не требовалось. Схватив немого за руку, он потащил его к выходу. Застывший Лу-чжэньжэнь по-прежнему не смел шевельнуться, а его подельники, испуганно озираясь, пятились прочь от невидимого лезвия и даже не думали преграждать беглецам дорогу.

Крестьяне, словно пораженные немотой, беззвучно расступились, освобождая проход. Расправив плечи и напустив на себя как можно более невозмутимый вид, Чжао Сюэхань спешно вывел художника во двор.

Даже когда они миновали ворота усадьбы, позади не раздалось ни шороха.

Оказавшись на улице и убедившись, что погони нет, Чжао Сюэхань припустил бегом, увлекая за собой немого. Но не успел он сделать и десятка шагов, как чья-то тяжелая длань бесцеремонно сгребла его за шиворот и вздернула в воздух, точно беззащитного цыпленка.

Янь Кэ привычным движением зажал брыкающегося Чжао Сюэханя под мышкой, свободной рукой подхватил перепуганного художника и, легко оттолкнувшись от земли, взмыл в ночные небеса. Деревушка внизу стремительно таяла в темноте, пока окончательно не скрылась за пеленой облаков.

<http://bllate.org/book/19675/2002861>